

Авторы доклада:

Татьяна Ворожейкина

Василий Жарков

Андрей Захаров

Андрей Колесников

Алексей Левинсон

Николай Петров

Андрей Рябов

Перестройка (1985 – 1991) - процесс политических преобразований, начатых во второй половине 1980-х годов в СССР под руководством М.С. Горбачева - стала поворотным событием конца XX века, изменившим мир и нашу страну.

Перестройка не была привнесена «извне», она вызрела в советском обществе. Необходимость перемен была осознана существенной частью политической элиты, интеллигенции и наиболее активными гражданами, уставшими от стагнации и засилья геронтократии в политическом руководстве страны. К 1985 г. в разных слоях советского общества сложилось не только понимание того, что прежний курс бесперспективен, но и убеждение, что его необходимо изменить.

Реформаторы в руководстве СССР столкнулись с постепенно нараставшим, скрытым и открытым сопротивлением противников нового курса. Реформаторы совершали ошибки и просчеты, но упорно боролись за обновление политической и общественной жизни через гласность и демократизацию, за построение правового государства, преодоление сталинского тоталитарного наследия, конфронтации с внешним миром и окончание «холодной войны», за реформирование СССР на базе нового Союзного договора и предоставления республикам разных статусов внутри союзного государства.

Эта политика получила свое идеологическое оформление в концепции «нового мышления», сочетающего критический взгляд на состояние общества, приоритет общечеловеческих ценностей и способность адекватно отвечать на вызовы времени. С «новым мышлением» связан процесс *переосмысления ценности и назначения власти.*

Понимание, что власть – всего лишь *средство*, обеспечивающее среду и условия для устойчивого развития общества, а не сакральная *цель*, существующая для себя и ради себя, стимулировало политическую

конкуренцию внутри страны и одновременно снижало градус конфронтации за ее пределами.

С позиций традиционной геополитической борьбы за мировое лидерство, действия советского руководства, соглашавшегося на объединение Германии, выводившего войска из стран Восточного блока и отказывавшегося от вмешательства в дела Афганистана, выглядели сдачей ранее завоеванных позиций. Но с точки зрения приоритета общечеловеческих ценностей, а не геополитического и военного выигрыша любой ценой, эта политика была абсолютно новой, по-настоящему современной, реалистичной и рациональной. В результате с началом перестройки *опасность глобального ядерного конфликта резко снизилась. Это освобождало громадные ресурсы, которые можно было использовать в целях экономического, социального, культурного развития страны.* Тогдашний подход контрастирует с тем, что можно наблюдать сегодня, когда вновь, как во времена «высокого коммунизма», ареной противостояния, последствия которого непредсказуемы, становятся международные отношения. Сегодняшний дефицит «нового мышления» несет новую угрозу для человечества, тиражирует политические и экономические риски. Поэтому в сфере международных отношений наследие перестройки нуждается в переосмыслении и восстановлении.

Политически перестройка потерпела поражение, хотя *ее главная победа состояла в том, что, пал «железный занавес» и завершилась холодная война, а на существенной части территории бывшего СССР, Центральной и Восточной Европы утвердились демократические ценности.*

Перестройка не предполагала возможности распада СССР. Однако результатом сопротивления антиперестроечных сил стала попытка государственного переворота в августе 1991 г., которая привела к срыву подписания нового Союзного договора, усилению сепаратизма

республиканских политических элит, стремившихся к получению полного контроля над экономическими активами республик и прекращению существования Советского Союза. Начавшиеся в 1990-е годы в постсоветской России реформы, хотя и заложили основы современной рыночной экономики и государственности РФ, не привели к устойчивому, долгосрочному положительному результату и переходу страны к современной, динамичной модели развития:

- институты демократии были дискредитированы в глазах существенной части населения России;
- несмотря на радикальные рыночные реформы, сформировалась однобокая и неконкурентоспособная сырьевая модель, сдерживающая развитие экономики;
- выстроена «вертикаль власти» со сверхцентрализацией государственных ресурсов и управленческих полномочий;
- практически ликвидирована политическая конкуренция, созданы «запретительные» барьеры для входа на политический рынок;
- все наиболее значимые СМИ перешли под государственный контроль и превращаются в инструменты официальной пропаганды, публичная дискуссия деградирует, а поле независимой от государства гражданской активности постоянно сокращается;
- наконец, Россия и Запад подошли к опасной грани противостояния, приблизив тем самым опасность новой «холодной войны» и эскалации международных конфликтов.

Однако перестройка не оказалась «фальстартом»: заявленные ею ценности не должны быть утеряны, и нельзя признать правоту тех, кто считает, что российское общество не готово к демократии или даже «отторгает» демократический путь развития.

Перестройка: альтернатива государство-центричной модели и хаосу

На протяжении многих веков главной движущей силой российской истории являлось авторитарное государство, ставшее в 1930-1950-е годы тоталитарным. Перестройка была порождена кризисом традиционной для России государство-центричной модели, в рамках которой государство (власть) играло центральную роль в формировании экономических, социальных и политических отношений. При этом в качестве системы публичных институтов государство в России так и не смогло сложиться.

Существуют две важнейшие особенности, сыгравшие определяющую роль в российской политической истории. Во-первых, единство власти и собственности, превращающее власть в основной источник личного благосостояния, что делает коррупцию несущим элементом всей конструкции и является мощным препятствием на пути возникновения независимых от власти центров экономического и политического влияния. Во-вторых, подчинение общества и индивида государству как системе самодержавной власти, которая в целях самосохранения стремится препятствовать автономии общества и систематически разрушает механизмы социальной интеграции и самоорганизации. При этом среди элит и широких общественных слоев преобладает мнение, что едва ли не единственная альтернатива доминированию государства - беспорядок и хаос.

При таком подходе российская история до сих пор воспринималась и воспринимается многими лишь как непрекращающаяся борьба за выбор между двумя крайностями: с одной стороны, это централизованное деспотичное государство, подчиняющее своей всеобъемлющей власти общество и выступающее не только в качестве главной движущей силы социальных изменений, но и в роли «производителя смыслов», а с другой

стороны, беспорядок, нередко перерастающий в хаос, смуту, кровавые гражданские войны.

Советская система стала предельным выражением государство-центричной модели. Внутренняя эрозия советской идеологии и надвигавшийся системный кризис государства свидетельствовали об исчерпанности этой модели, начиная, по крайней мере, со второй половины 1970-х гг. Ключевая для государство-центричной модели проблема — управляемость общественного развития — становилась все менее разрешимой. К середине 1980-х гг. это стало важнейшим фактором стагнации и назревавшего кризиса.

Хотя война была оставлена в прошлом, в преемственности по отношению к Победе советская власть черпала свою легитимность, а торжественное празднование Дня Победы должно было подчеркивать факт отсутствия войны в настоящем. Между тем, демобилизованная страна продолжала воевать, посылая солдат в Афганистан и вмешиваясь в военные конфликты в других частях мира. С конца 1970-х из года в год эта война изматывала ресурсы страны, и без того ослабленной трагическими событиями XX века.

Реалиями позднесоветского общества стали исчезающие деревни Нечерноземья, рост алкоголизации населения, хронические перебои в поставках элементарных товаров народного потребления. К середине 80-х годов в советской экономике началось заметное снижение темпов роста национального дохода и, соответственно, темпов роста жизненного уровня граждан. В 1983 г. академик Т.И. Заславская писала о том, что система государственного управления экономикой СССР, сложившаяся пятьдесят лет назад, «ни разу не подвергалась качественной перестройке, отражающей принципиальные сдвиги в состоянии производительных сил».

В тупике оказалась советская внешняя политика: СССР все труднее было соревноваться с Западом, удерживая в орбите своего влияния страны

«социалистического лагеря». Обладание ядерным оружием служило фактором сдерживания внешнеполитических противников, но продолжать военную конкуренцию с Западом становилось все сложнее.

В XX веке перестройка стала второй после Февральской революции 1917 года масштабной попыткой вывести страну из зависимости от «траектории предшествующего развития», избавиться от «эффекта колеи». Политические преобразования, осуществленные в 1985-1991 гг. по инициативе и под руководством М.С. Горбачева – гласность, проведение первых свободных и конкурентных выборов в высшие органы государственной власти, разрушившие монополию КПСС, – создавали условия и предпосылки для формирования правового государства и разрыва с государственно-центричной моделью.

Перестройка была направлена на то, чтобы, преодолеть тоталитарное прошлое и высвободить преобразовательную энергию общества, сделав его самостоятельным участником процесса исторических изменений. Иными словами, перестройка предлагала альтернативу как государственно-центричной традиции, так и хаосу.

Сойти с «колеи»

В годы перестройки мало рассуждали о «колее», или некоем «историческом проклятии» России. Преобразования рассматривались как логический шаг на пути модернизации, застопорившейся за предшествующие годы «застоя» и теперь требующей «ускорения». В перспективе советской истории перестройка с самого начала воспринималась в одном ряду с НЭПом 1920-х годов, XX съездом и хрущевской «оттепелью», косыгинскими реформами 1960-х. Таким образом, весь предшествующий опыт мирных преобразований в СССР рассматривался инициаторами перестройки как фундамент для нового, но

закономерного этапа ускоренного развития и совершенствования социалистической общественной системы.

Вместе с тем, перестройка созвучна тем периодам отечественной истории, когда общество и власть пытались осуществлять совместное движение в свободе. Наиболее очевидная и распространенная параллель с перестройкой в дореволюционной истории – Великие реформы середины XIX столетия, когда было отменено крепостное право, в России появился независимый и сильный суд, были заложены основы земского самоуправления, и в политический лексикон впервые вошло слово «гласность».

Встав у руководства страной 130 лет спустя, М.С. Горбачев предложил поколениям потомков русских крестьян, получивших личную свободу при Александре II, фактически довести до конца дело освобождения, создав современное демократическое общество. Проблема, однако, состояла в том, что ни в российской, ни в советской истории не было опыта неавторитарной модернизации. Разрыв между потребностями исторического развития и дефицитом общественных сил, которые могли бы выступить двигателями модернизации, приводил к тому, что роль реформатора брало на себя государство, правительство. Эта схема, в общем и целом присущая всем догоняющим модернизациям, четко прослеживается в разные периоды отечественной истории. Она была характерна для либеральных нововведений Александра I в начале XIX века и для реформ его внука, «Царя-Освободителя» Александра II, которые открыли дорогу для перехода России к капитализму, для хрущевской «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х годов, которая нанесла первый удар по сталинской политической системе.

Слабость общественных сил, заинтересованных в успехе преобразований, неизбежно приводила к тому, что ни одна из попыток системных реформ в России не была доведена до логического завершения.

Чем дольше затягивали с экономическими реформами после провалившейся «косыгинской» попытки 1965–1968 годов, тем выше с каждым годом становилась цена возможных преобразований, тем в большей степени шоковыми они должны были оказаться. Чем дольше откладывали политические реформы после попыток Хрущева в 1962–1964 годах подготовить проект новой Конституции СССР, тем более мощным оказался впоследствии взрыв массового недовольства. Так каждый раз, приступая к преобразованиям, страна сталкивалась с дефицитом исторического времени. Давление проблем, которые приходилось решать практически одновременно в исторически короткие сроки, в конечном итоге перевешивало энергетику реформ, предопределяя возвращение страны на традиционную траекторию развития. А нерешенные проблемы и трудности развития, значительно усиливавшиеся и обострявшиеся по мере развертывания реформ, в конечном счете, использовались консервативными силами для свертывания преобразований и перехода к политике контрреформ.

Перестройка также началась как «революция сверху». И в этом смысле она типологически не отличается от предшествующих попыток системных преобразований. Но если предшествующие попытки преодолеть государство-центричную модель российского развития оказались неудачными из-за очевидной немногочисленности социальных слоев, ориентированных на ценности свободы и самореализации, то урбанизированное, образованное позднесоветское общество оказалось более подготовленным к решению такой задачи. Накануне перестройки в советском обществе, несомненно, существовал колоссальный запрос на перемены. Парадокс заключался в том, что, желая перемен, советские люди не знали, как их осуществить, что для этого нужно сделать и какую «цену» придется заплатить.

Замысел и направление преобразований сближают перестройку с революцией. «Архитекторы» перестройки с самого начала связывали ее переосмыслением наследия Октябрьской революции и работ В.И. Ленина. Ни Горбачев, ни его ближайшие сподвижники не подвергали сомнению идею социализма. Показательно, что доклад Горбачева к очередному юбилею революции в 1987 году назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

Вопреки распространенному мнению, перестройка не была порождена схваткой за власть между двумя фракциями правящей коммунистической номенклатуры, имевшими общую цель – сохранение советской системы, но расходившимися во взглядах на пути ее достижения. Согласно этой точке зрения, консерваторы стремились оставить все, как есть, а реформаторы намеревались сделать систему более гибкой за счет отдельных изменений. Инициаторы перестройки руководствовались не интересами удержания в своих руках власти любой ценой, а стремлением вывести страну на иную траекторию развития. Поэтому *одним из важнейших достижений перестройки стала институционализация выборов как демократической ценности, инструмента формирования власти и ее смены путем свободного волеизъявления граждан.*

Поначалу идея преобразований не встретила сопротивления. В тогдашнем общественном мнении слово «консерватор», обозначавшее тех, кто не принимал перестройку и оказывал ей сопротивление, получило сугубо негативную окраску.

Исторически первые исследования общественного мнения, проводившиеся в конце 1980-х г.г.¹, показывали, что поддержка М.

¹ Всесоюзный центр исследований общественного мнения был создан при поддержке М.Горбачева в 1987 г. Его создателями и руководителями были Т.И.Заславская и Б.А.Грушин, затем Ю.А.Левада. В 2004 г. коллектив центра был вынужден сменить место работы и с тех пор действует под брендом Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр).

Горбачева временами достигала пикового уровня в 80% +/- 5%. Вместе с тем, опросы показывали, что политику перестройки и гласности поддержало не все общество, но в основном его динамически важная часть: люди моложе 40 лет, имевшие высшее или среднее специальное образование и проживавшие в крупных и крупнейших городах страны. Названные социально-демографические характеристики – «осевые», то есть не все люди, описываемые ими, являлись сторонниками перестройки. Это же означает, что среди ее сторонников были и другие группы населения. Так, известно, что общая поддержка перестроечных процессов даже в «осевых» группах была выше в северо-западных регионах СССР и в Москве, и ниже – в южных и восточных частях страны. В Прибалтике, Ленинградской области, Московском регионе число сторонников перестройки увеличивалось за счет представителей старших поколений, в том числе пенсионеров. Они были зачастую даже активнее, чем молодежь.

Таким образом, перестройка способствовала вовлечению в процессы общественных изменений массовых слоев населения. Благодаря широкому спросу на преобразования, она стремительно переставала быть только «революцией сверху». Перестройка стала эпохой великого исторического сдвига, сопровождавшегося мощным общественным подъемом, что предполагало глубокое изменение системы ценностей общества. Без утверждения ценностей права, свободы выбора, личной ответственности, толерантности, гарантий частной собственности и предпринимательской деятельности, без системы разделения властей, независимых судов и свободных СМИ, новый общественный порядок не мог стать прочным. По сути, началась *рецепция ценностей демократии, правового государства и ответственной (подотчетной) власти.*

Перестройка стала попыткой ответа на давно накапливавшиеся в советском обществе вопросы фундаментального характера – о свободе и ее

границах, об отношениях между государством и личностью, о гарантиях собственности и праве владеть ею. Начатая как либерализация сверху, она вызвала к жизни разнообразные тенденции самоорганизации и автономизации общества по отношению к государству.

Гласность, разрушившая идеологическую монополию государства, растущая неэффективность, растерянность, а затем и кризис властных структур способствовали тому, что общество начало стремительно освобождаться от обветшавшей «советской» оболочки. Существовавшие в нем интересы, взгляды, мифы и фобии стали выходить на поверхность, все чаще принимая организованные формы. Неформальное движение второй половины 1980-х гг., будучи весьма пестрым по составу, шло «снизу», из общества, переплетаясь и взаимодействуя, иногда довольно причудливо, с идеологическим и политическим размежеванием в верхах.

Возникла публичная сфера, *пространство общественного диалога, которое постепенно превращалось в пространство зарождавшегося гражданского общества.* Здесь формировались разнообразные гражданские инициативы – от экологических ассоциаций и организаций общественного самоуправления до объединений в поддержку гласности, защиты прав и достоинства человека. Это свидетельствовало о том, что в обществе сохранился потенциал самоорганизации.

Поколение советских людей, к которому принадлежали Горбачев и большинство интеллектуалов и управленцев – «дети XX съезда», «шестидесятники», поддержавшие и продвигавшие политику перестройки, – чувствовало связь с теми своими предшественниками, которые, признавая европейский характер русской культуры, стремились сделать Россию свободной, процветающей страной. *Миссия и заслуга Горбачева и «поколения шестидесятников» состояла в том, что в конце 1980-х Россия вышла на путь демократизации. Стала ли она в итоге свободной – вопрос не к тем, кто открыл для нее историческую альтернативу, но к тем, кто*

пришел вслед за ними в политику, к нынешним власти, российскому обществу и каждому из граждан.

Незавершенная революция

Перестройка поставила фундаментальный вопрос о реформируемости советской системы в том виде, в каком она сложилась за годы Советской власти. Сопротивление консервативной части номенклатуры, кризис властных структур, противоречивые процессы в обществе, высвобождавшемся из-под гнета командно-административной системы, не позволили осуществить постепенную трансформацию советской системы. Этому в решающей мере препятствовал и экономический кризис, ставший результатом как сокращения ресурсов прежней экономической модели, так и попыток ее реформирования, которые носили непоследовательный и незавершенный характер, исходили из устаревших стереотипов экономического мышления. В мемуарах «Жизнь и реформы», рассказывая о знаменитом Апрельском (1985 г) Пленуме ЦКСС, М.С. Горбачев писал: «Предусматривая разработку социальной программы к XXVII партийному съезду, уже тогда задавались вопросом: возможно ли одновременно модернизировать производство и осуществлять крупные меры в социальной области? И делали вывод, что это возможно при строгом соблюдении требования об опережающем развитии производственной сферы. Иначе говоря, наше мышление все еще оставалось в плену привычных постулатов».

Изначально противоречивыми были попытки сохранить стабильные цены и одновременно расширять самостоятельность предприятий. А включение отдельных элементов новых рыночных отношений в старую административно-хозяйственную систему привело к тому, что с конца 1988 г. она начала работать «вразнос», ее экономическая и финансовая

составляющие оказались разбалансированными, вырос внешний долг, увеличились денежный навес, открытая и латентная инфляция.

Таким образом, *путь постепенной эволюции советской экономической системы в направлении ее либерализации оказался заблокирован.*

Перестройка осталась «незавершенной революцией», но, несмотря на политическую неудачу, она была цивилизационным успехом России, рассчитанным на долгосрочную перспективу. Опыт истории показывает: в таких случаях многое из того, что возникло в годы системных преобразований, не исчезает бесследно, а в той или иной форме воспринимается новой эпохой. Так, независимые суды и новые представительные институты, созданные в годы Великих реформ Александра II, несмотря на ограничение их прав и сферы деятельности во время правления Александра III, продолжили функционировать и в период контрреформ, создавая условия для последующих политических перемен в России в начале XX века. Так, Первая русская революция 1905-1907 годов, потерпевшая поражение, создала парламентаризм в России. Подобно этому ценности, рожденные перестройкой, сохранились в общественном сознании и отчасти государственном устройстве новой России.

Исключительно важным следует признать сохранение значимости ценности «честные выборы». Предложенная М.С. Горбачевым и его политическими союзниками установка на «настоящие», а не ритуальные, как это было принято в СССР, выборы руководящих органов и руководителя страны, в свое время получила широкую поддержку граждан. Практика предвыборных кампаний и выборов претерпела с тех пор множество злокачественных изменений и искажений, что отразилось в общественном мнении. До четверти населения устойчиво стали ожидать, что любые предстоящие выборы будут «грязными». Но даже этот

результат указывает на сохраняющуюся в российском обществе установку на «чистые»/«честные» выборы.

Важнейшим результатом горбачевских реформ следует считать политику гласности. Она подразумевала, во-первых, публичность и открытость как важнейшие условия для свободы слова и права на выражение мнения, отличного от официозного или господствующего. Несмотря ни на что, признание легитимности оппозиции и права граждан выражать протест против действий властей сохранилось в общественном сознании. Во-вторых, гласность означала открытие правды о репрессиях советского режима. Установка на это сохранилась в сознании российских граждан, несмотря на рост в последнее время позитивных оценок личности и деятельности И.В.Сталина.

Детальный анализ того, чем представляется россиянам перестройка с известной исторической дистанции, проведенный Левада-центром в 2005 г. показал, что *главным позитивным результатом российское общественное мнение по истечении двадцати лет считало именно гласность как возможность публично высказываться. На втором месте стоит свобода выезда за рубеж. Данные опросов последующих лет свидетельствуют, что это право продолжает оставаться в сознании людей, в особенности молодых, весьма важным.*

От какого наследства мы отказываемся

Однако уже в 1990-х годах ценностная преемственность с периодом перестройки начала разрушаться. Открытый и кровавый гражданский конфликт октября 1993-го в Москве, чеченская война, начатая в 1994-м году, а также выход на поверхность организованной преступности и криминала усилили в общественном мнении запрос на возврат к авторитарному государству, «жесткой рукой» наводящему «порядок» в

стране. Августовский дефолт 1998 года разуверил большую часть общества в способности рыночных сил создать эффективную экономику и справедливую социальную систему. Общество выразило готовность вновь полностью доверить свое будущее государству, властным структурам в обмен на политику, которая гарантировала бы стабилизацию социально-экономическую стабилизацию, а затем и рост доходов. Этот поворот в общественном мнении позволил новым правящим слоям создать систему, исключавшую широкое демократическое участие, и при этом закрепляющую монопольно-привилегированное положение новых элит в политической системе страны и бизнесе. После того, как в первой половине 2000-х годов силовики и бюрократия подчинили себе олигархию, старые полуразрушенные советские политические институты обрели «жизнь после смерти». Реформы были окончательно свернуты, т.к. на первый план вышла задача поддержания стабильности, предполагавшая сохранение контрольного пакета власти и собственности, сконцентрированного в руках нового правящего слоя. Последующие полтора десятилетия прошли в весьма успешном освоении сырьевой ренты и государственного бюджета, формируемого доходами от экспорта сырья в большей степени, чем налогами граждан. Нефтяные доходы позволили власти проводить политику роста благосостояния и стабилизировать политическую систему на основе государственного патернализма.

Новые правящие слои фактически отказались от реформы государства, от создания сильных и устойчивых институтов, действующих в условиях верховенства права. Персоналистский политический режим при слабых и неустойчивых институтах в гораздо большей степени соответствовал запросам новых правящих слоев, чем современное демократическое государство, действующее под мощным общественным контролем. Такое развитие событий обусловило отчуждение значительной части населения от участия в преобразованиях и

привело к распространению социальной и политической апатии в обществе.

Отказ от реформ, который произошел уже во время первого президентского срока В.В. Путина, как главная причина начавшейся реставрации не снимает вопроса о том, почему урбанизированное и образованное постсоветское общество так легко согласилось с негативной оценкой перестройки, ее ценностей и достижений.

Характерно, что устойчиво определяющим является фактор принадлежности к разным поколениям. Так, «дети перестройки» (поколение, которому в 2005 году было примерно столько лет, сколько прошло с 1985 года), и «ровесники перестройки», те, кто встретил ее в юном возрасте, по преимуществу согласны с ее положительной оценкой. Напротив, среди тех, кто встретил перестройку взрослым и пережил обрушение советской системы, в частности советской системы статусов, немало людей, которые хотели бы повернуть время вспять. Их демографическое и моральное давление на общественное мнение в целом способствовало тому, что по поводу перестройки общество остается глубоко расколотым, и негативная оценка преобладает. Но более важным фактором, формирующим негативный образ перестройки, является давление консервативных установок, провозглашенных официальным подходом к истории в 2000-е годы, и опирающихся во многом на представления пожилых, малообразованных, малоодоходных, зависящих во всем, включая информацию, от государства слоев общества. Эти представления сказались и на взглядах молодых людей, среди которых 40% в возрасте 18-24 года и 49% в возрасте 25-39 лет считают, что перестройка принесла больше вреда, чем пользы.

Одним из самых серьезных результатов пересмотра итогов перестройки является изменение внешней политики России. Что касается отражения этих перемен в общественном мнении, то приводимые через 30

лет с начала перестройки ценности «нового мышления» и идея вхождения в «европейский дом» подверглись значительной ревизии. Согласно данным Левада-центра за февраль 2015 г., 44% опрошенных считали, что «Запад - это другая цивилизация, чужой мир со своими законами, с другими людьми и отношениями между ними»; 25% были согласны с тем, что «Запад - это государства и политические силы, которые всегда будут враждебны нашей стране»; 19% полагали, что «Запад - это рациональный, холодный мир, формальные, эгоистичные отношения между людьми». Только 8% опрошенных были согласны с утверждением, что «Запад - это высочайшие достижения западной культуры - науки, философии, искусства», и еще меньше (6%) считали, что «Запад - это страны демократии, правовые государства, которые являются образцом современного развития».

Хотя позднесоветское общество в целом поддерживало перестройку, «революция ценностей» в нем только начиналась. Это был трудный, рассчитанный на длительную перспективу процесс, и на начальном этапе он находился в прямой зависимости от успеха политики перестройки. Когда перестройка оборвалась в 1991 г., и начался постсоветский период, общество, пережившее травму распада СССР, вошло в него расколотым и во многом дезориентированным. Дальнейшие события только углубили ценностный раскол, одним из свидетельств которого стала новая Конституция РФ 1993 года. Она содержала идею моноцентризма власти и тем самым закладывала основы для возможного поворота к авторитаризму.

Анатомия поворота

Перестройка проходила под лозунгами возвращения страны в мировую цивилизацию, тренды развития которой задавались развитыми

государствами Запада. В этой ситуации большинство общества восприняло ценности свободы, политической демократии, прав человека прежде всего как инструмент быстрого достижения высокого, «западного», уровня жизни. Однако по мере нарастания экономических трудностей в 1990-е годы привлекательность новых ценностей стала падать. В нулевые годы нового столетия, в период резкого подъема цен на нефть, когда правительство получило возможность проводить патерналистскую политику, был сформирован национальный консенсус по формуле «рост благосостояния в обмен на отказ от социального и политического активизма». В результате большая часть общества согласилась с тем, что можно добиться роста уровня жизни и в условиях несвободы. В такой ситуации реставрация авторитаризма становилась не только возможной, но и постепенно приобретала все большее число сторонников.

Одним из знаков этого процесса можно считать то, что, спустя 12 лет после Августовского путча 1991 г., общественное мнение отказывалось признать значимость победы демократов. Согласно опросам, проведенным Левада-центром в 2013 году, распределение ответов на вопрос «как Вы сейчас думаете, кто был прав в дни ГКЧП», показало, что 11% считают, что правы были Ельцин и демократы, 10% уверены, что прав был ГКЧП, а 57% полагают, что не правы были ни те, ни другие (при 22% не определившихся с ответом).

В нулевые годы резко усиливались позиции государственной бюрократии, ставшей со временем наиболее влиятельной группой в современном российском обществе. Рост цен на нефть и восстановительный рост первого десятилетия XXI века позволили правительству аккумулировать огромные средства и, отказавшись от дальнейших попыток социально-экономического реформирования страны, проводить политику, обеспечившую заметный рост доходов населения — особенно по контрасту с 1990-ми годами.

В результате сформировалась консервативная общественно-политическая модель, в которой почти все основные социальные и политические силы заинтересованы в сохранении status quo. Эта модель, устойчивость которой была обусловлена высокой нефтяной конъюнктурой, вошла в кризис, когда цены на нефть пошли вниз, а события на Украине резко ухудшили отношения России с Западом.

Правящие элиты в изменившихся условиях оказались неспособными предложить новую стратегию развития страны. В то же время они сосредоточились на том, чтобы любыми средствами, в том числе репрессивными, обеспечить незыблемость своей монополии на власть и собственность.

В этих условиях активизировался процесс отказа от институтов, ценностей и процедур, заложенных еще перестройкой. В новой ситуации принципы состязательности, открытости, толерантности, разделения властей и свободного выбора уже самим фактом своего существования подрывают консервативный status quo. Поэтому они целенаправленно заменяются бюрократической централизацией и контролем, распространяющимся на все новые и новые сферы жизни. Психология «осажденной крепости» и связанная с ней нетерпимость к иному мнению, фобии по отношению к Западу получают широкую поддержку в массовом сознании.

Эти изменения стали возможными еще и потому, что большая часть населения, по-прежнему полностью зависящая от государства, испытывает страх перед возможными переменами, результаты которых видятся неопределенными. Поэтому расширяющийся контроль государства над обществом и экономикой представляется более надежной защитой от надвигающихся проблем.

Нет сомнения в том, что при сохранении этих тенденций в ближайшие годы продолжится дрейф в направлении этатизма и

изоляция, который в эпоху глобализации обернется хроническим отставанием России. Логика начавшихся процессов будет подталкивать страну в этом направлении, причем иной раз, возможно, даже вопреки намерениям ее руководства. В таких условиях обращение к ценностям перестройки — это не исторический экскурс, а поиск стратегии, возвращающей стране утраченную демократическую альтернативу.

Понять перестройку: почему это важно сейчас?

Сейчас, через 30 лет, прошедших с 1985 года, значительная часть общества продолжает разделять ценности, появившиеся в перестройку. Согласно опросам Левада-центра, проведенным уже в 2015 году, 58% респондентов считает, что в сегодняшней России нужна политическая оппозиция. 54% заявили, что считают уличные митинги и демонстрации нормальным демократическим средством выражения гражданами своей позиции. И, наконец, очень важно отметить, что в 2014 году 23% опрошенных ответили положительно на первую часть вопроса: «Как Вы думаете, объявленная в 1985 году политика «перестройки» принесла в целом России больше пользы — или больше вреда?».

Понимание эпохи перестройки и ее уроки исключительно важны для сегодняшней России и главное, для формулирования стратегических задач на ближайшие годы и десятилетия.

Опыт перестройки, и ее достижения, и ее политическая неудача доказывает, что демократия — это не только воля большинства, но устойчивые нормы, институты и процедуры. Любые попытки игнорировать нормы, институты и процедуры, основанные на демократических ценностях, в перспективе, ведут к глубокой дестабилизации системы.

Современное общество может эффективно существовать и развиваться только в условиях широкого общественного консенсуса, основанного на демократических ценностях. Любые попытки делить людей на правых и неправых, своих и чужих, большинство и отщепенцев, ведет не просто к расколу, а фактически к гражданской войне. Альтернатива этому — общественное устройство, при котором разные группы/элиты, не подавляют попеременно друг друга, а поддерживают баланс, политический компромисс. Попытки российского общества встать на этот путь были до сих пор не слишком успешны.

В перестройку отчетливо выявилась и *крайняя опасность, которую представляет радикальный национализм и связанные с ним межэтнические конфликты*. Вместе с тем именно перестройка открывала возможность для перехода к президентско-парламентской республике — наиболее подходящей для России с ее национальным и культурным разнообразием форме политического устройства.

Опыт перестройки свидетельствует, что необходимо открытое и свободное общественное обсуждение всех наиболее острых вопросов. Наличие зон умолчания ведет к недоверию, а недоверие — к конфликтам, которые копятся годами, прорываются же в считанные дни и даже часы. Пора понять, что цензура и зоны умолчания не могут спасти нас от проблем, зато отсутствие вовремя полученной информации о наличии той или иной проблемы обычно приводит к весьма печальным последствиям. Поэтому *политика гласности остается одной из важнейших ценностей перестройки и ее актуальным наследием*.

Одно из признанных достижений перестройки — *концепция «нового мышления»* — исходит из того, что Россия не должна воевать с внешним миром. И Западе, и на Востоке у нее могут быть только партнеры, отношения с которыми строятся исходя из принципов открытости, добрососедства, равноправия, уважения взаимных интересов и

кооперации. Россия должна оставаться в числе стран, выступающих за мирное урегулирование любых конфликтов, за отказ от применения ядерного оружия и всеобщее разоружение, за диалог и доверие между разными странами и народами в рамках международных институтов и на основе норм международного права.

Сегодня очевидно, что перестройку следует рассматривать как исключительно важный этап в истории преобразований российского общества и государства. В политическом смысле программа перестройки не была реализована, и, во многом, поэтому Россия вступила в XXI век с тем же набором проблем, с каким она начинала перестроечный цикл в середине 1980-х. Это означает, что новый этап глубоких демократических реформ неизбежен, причем стимулировать его будут те же проблемы, которые вызвали обновленческие процессы в перестройку: неэффективность и отсталость политической модели; экономическая и технологическая отсталость; архаические способы взаимодействия государства и общества; повышение до опасного уровня внешнеполитического противостояния. Поэтому по-прежнему актуальными с *практической точки зрения* остаются политические идеи, выдвинутые перестройкой:

- свободные выборы;
- федерализм;
- правовое государство;
- социальная демократия, предоставляющая всем гражданам доступ к достижениям современной цивилизации;
- самоорганизация общества.

Сегодня в спорах о перестройке появляется новое качество: обсуждение причин и следствий того, что произошло с нами и страной, превращается в за стремление найти в опыте перестройки, в ее

достижениях и просчетах, ответы на вопросы о том, какой должна быть современная стратегия России и о ее будущем. Но, независимо от времени начала нового этапа общественных преобразований, в ходе его неизбежно обращение к опыту перестройки, ее идеям и ценностям.